УДК 94(47).084.5
DOI: 10.24411/2311-603X_2021_3_210

Б. Б. Дубенцов

Эпизод из биографии В. В. Князева: Расставание с РКП(б)

Творчество и биография В. В. Князева, известного прежде всего своей агитационной поэзией эпохи Гражданской войны, не были обделены вниманием исследователей с конца 1950-х гг.[1] Но один эпизод из жизни «газетного поэта»[2] до настоящего времени остается неизвестным — это выход его из Коммунистической партии, в которую он вступил в октябре 1918 г.[3]

Предысторией расставания В. В. Князева с большевистской партией стало его выступление в 1922 г. на страницах «Красной газеты» с резко отрицательной рецензией на рассказ другого писателя, тоже вступившего в РКП в 1918 г., — А. Е. Зарина. В рецензии Князев неосмотрительно назвал его «выгнанным из партии»[4]. Зарин подал в Петроградский губернский комитет возмущенное заявление, в котором сообщал, что не был «выгнан» из партии, а «по болезни пропустил срок перерегистрации в 1921 г.»[5]. В. В. Князеву пришлось 25 ноября 1922 г. написать письмо В. А. Быстрянскому, игравшему руководящую роль в редакции «Петроградской правды» в 1919 г. и входившему в петроградскую партийную верхушку. В письме Князев признавал свою ошибку, и, явно рассчитывая на сочувствие адресата, напоминал о своих заслугах: «<...> первые 2 года, самые тяжелые, я провел в неустанной работе на революцию и партию. Я надорвал за эти годы не только свое здоровье, но и маленькое свое дарование: теперь я почти ничего не могу писать. Первые 2 года работал в “Красной” (газете. — *Б. Д.*) за шестерых, ибо тогда к нам никто не шел. Я был на фронтах, в коммунистических боевых взводах и пр. и пр.». С политической направленно-

стью своего творчества поэт связывал вступление в партию: «Я вступил в партию и был в ее рядах в такие годы, когда за это могли убить; именно поэтому я и вступил, ибо считал невозможным призывать в партию беспартийных рабочих, а самому оставаться в стороне»[6]. Следствием выполнявшейся им в годы Гражданской войны напряженной работы В. В. Князев представлял свое положение: «Сейчас я больной, почти не могущий работать и полураздавленный НЭПом <...>», но тут же заявлял о своей готовности, «если будет опять серьезный момент и революция потребует мое перо, <...> так же работать, как и в 18, 19 и 20 годах». В заключение поэт выражал уверенность: «<...> партия пощадит меня <...>», и в третий раз отмечал, что для него невозможность «ничего писать теперь, <...> имеющего за спиной семью, – тяжелая драма»[7].

Затруднительно определить, оправдалась ли уверенность В. В. Князева, что «партия пощадит» его, поскольку Бюро Петроградского губкома в декабре 1922 г. постановило: «Выразить строгое порицание и предложить извиниться в печати»[8]. От извинений «в печати» Князев уклонился, и 30 декабря 1922 г. А. Е. Зарин подал в Петроградский губком второе заявление[9]. Эти события или другие какие-то еще причины побудили Князева обратиться с письмом, датированным 29 апреля 1923 г., уже к самому председателю Петроградского губернского совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов, члену Политбюро ЦК РКП(б) Г. Е. Зиновьеву[10].

Используя обращение «дорогой товарищ Зиновьев», Князев в своем письме упоминал адресата в третьем лице: «<...> знает только один тов. Зиновьев». Начав с напоминания, что он «работал не в центре, у всех на виду, а в провинциальном городе Петрограде», Князев не единожды отмечал, что о том, *как* он работал в 1918–1920 гг., Зиновьеву известно. Не распространяясь о своих прошлых заслугах, Князев сообщал о переменах в своем положении: «Пришли условия НЭПА. Они беспощадно запрягли меня в оглобли прежней каторги — гони строку, если хочешь быть сытым. Теперешняя каторга хуже прежней, ибо силы уже не те, и оплата труда во много раз ниже, чем прежде. Но самое черное в НЭПЕ, это — то, что в наши издания хлынули и те, кто насмерть травили в 18 году, например, меня, за переход к большевикам, и те, кто в тяжкие и голодные годы коммуны отсиживался и благодушествовал у белых. Эти люди меньше измотались физически и творчески и конкурировать с ними почти нет возможности». Далее следовала жалоба на отсутствие перспектив издать «12 готовых к печати книг». «Справа – ибо я навсегда “замаран” переходом на красный берег и работой в дни террора, слева — ибо многие наши товарищи глядят глазами Брюсовых, Чуковских и других, которых я неоднократно осмеивал и порол». Сообщая о материальной нужде, болезнях и одиночестве, Князев признавался: «И вот, дорогой товарищ Зиновьев, не видя нигде ни ласки, ни поддержки, я пал духом, стал пить и пью мертвую до сих пор». И при этом он уверял своего высокопоставленного адресата, что тот мог бы спасти поэта «хотя бы от оскорбительной необходимости конкурировать, вылезая из шкуры,

из-за куска хлеба, с белогвардейщиной, вытесняющей нас, старых работников, из органов, которые МЫ создавали». Письмо завершалось эмоциональным признанием: «Дорогой товарищ Зиновьев, мне мучительно тяжело»[11].

Г. Е. Зиновьев поставил собственноручную резолюцию: «Вызовите его. Можно ему устроить 2 месяца жизни с семьей в санатории Левашово. А Ионов[12], по моей просьбе, даст ему работу в иллюстриров[анном] журнале»[13].

Удалось ли В. В. Князеву быть принятым Г. Е. Зиновьевым и провести два месяца в санатории, по имеющимся источникам неизвестно. Но резолюция от 7 августа 1923 г. на документе под названием «К личному листу» из дела Князева гласила: «Полагаем отнести к старшему Политсоставу по должности инстр[уктора] Политпросветработы»[14]. Очевидно, в петроградских партийных верхах пытались найти В. В. Князеву какое-нибудь место и намечали направить его в армейские политорганы. Это намерение, судя по анкетным документам Князева, не осуществилось. Но обращение поэта к «вождю Коминтерна», вероятно, имело результат. Если после выхода в 1921 г. отдельным изданием драмы «Фабрикант и рабочий» книги Князева не печатались, то в 1923 г. у него вышли три тоненькие книжки со стихами для детей и сборник «Современные частушки. 1917–1922 гг.»[15]. В следующем году были опубликованы еще четыре книги, в том числе сборник стихов «Капля крови Ильича» и ставший знаменитым памфлет «Ржаные апостолы: Клюев и клюевщина»[16]. В том же 1924 г. в печати появилось стихотворение Князева против «нэпманской породы», завершавшееся строчками: «Бой не кончен — идет: / И, что следует, ждет / Вора»[17].

Казалось бы, наметилось преодоление тех трудностей, о которых В. В. Князев писал В. А. Быстрянскому и Г. Е. Зиновьеву. Но открылось обстоятельство, способное скомпрометировать «газетного поэта» в глазах партийных верхов, — 19 августа 1924 г. бюро партийного коллектива «Красной газеты» рассмотрело на своем заседании вопрос о неуплате партийных взносов Князевым с февраля по август и постановило передать дело в Контрольную комиссию Центрального городского района[18]. В приложенной к выписке из протокола справке о неуплате членских взносов Князевым были приведены сведения о его заработках: в январе его основная зарплата составила 242 руб., в феврале — 259 руб. 68 коп., в марте — 301 руб. 60 коп., в апреле — 300 руб., в мае — 186. В июне Князев «был в отпуске по болезни», а в июле получил на руки 65 руб. при общей зарплате в 215 руб.[19]

В. В. Князеву пришлось подать в Контрольную комиссию собственноручно написанное заявление, датированное 25 августа. В нем он дал своему проступку такое объяснение: «<...> завязнув по уши в больших авансах, я никогда не получал целиком жалованья». Обязуясь погасить долг частями, начиная с 15 сентября, Князев зачем-то пояснял: «Если я порою пью, то это наследственная от отца и неизлечимая болезнь». Не обошлось и в этом заявлении без напоминания о стихах, написанных им в годы Гражданской войны: тогда «<...> написанные <...> стихи (да и теперешние) используются партией в своих хре-

стоматиях, учебниках и пр.». Не забыл Князев сообщить, что он «работал для госполитпросвета» и написал «в дни процесса над правыми эсерами» брошюру о В. Володарском. И в том же заявлении Князев обращался к Контрольной комиссии с кажущейся неожиданной просьбой: исключить его из партии, но так, «будто я сам ушел». Но вслед за этим следовало уверение, что «сам я уходить не хочу» и готов «служить пролетарской революции». Сходным образом заявление завершалось: «Но Партии и революции я еще могу быть полезным, и не лишайте же меня возможности делать это»[20].

29 августа 1924 г. Контрольная комиссия РКП(б) Центрального городского района в присутствии В. В. Князева заслушала его дело и объявила ему выговор за неуплату членских взносов. Кроме того, комиссия вынесла еще два постановления о Князеве: «предложить оформить партийный билет» и «просить Бюро Райкома нагрузить т. Князева партработой в рабочем коллективе»[21].

В. В. Князев был поставлен на учет в партийной организации типографии им. В. Володарского. Ему предстояло в ее составе быть рядовым членом партии и взаимодействовать в этом качестве со своими читателями-пролетариями. Но найти себя в рабочем коллективе поэт либо не смог, либо не захотел. 8 октября 1924 г. бюро коллектива типографии им. тов. Володарского возбудило вопрос об исключении его из партии. В выписке из протокола бюро отмечало: «Взносы не платит, не посещает партийных собраний, на предложение взять определенную нагрузку отказался — сказав при этом, что мне вообще партия не нужна, и я не знаю, зачем меня при чистке оставили в рядах партии». Выписку из протокола заседания бюро коллектива было постановлено «передать в Р.К.К. (районную контрольную комиссию. — *Б. Д.*) на предмет исключения из партии, как позорящего ее своими действиями»[22].

Судя по заявлению В. В. Князева, озаглавленному «Дорогие товарищи» и датированному 11 октября 1924 г., он получил вызов явиться на заседание комиссии 13 октября. Но сообщал о невозможности явиться, поскольку должен был уехать «в санаторий для нервнобольных». На этот раз к числу своих заслуг перед партией В. В. Князев сделал существенное дополнение: «<...> ездил следователем в районы кулацких восстаний, был под Кронштадтом, в поезде тов. Троцкого, в специальном газетно-агитационном вагоне на Западном фронте и пр.». А вот на условия нэпа в этом заявлении жалоб не было, напротив, автор утверждал: «Я правильно понял НЭП: не капитуляция, а перенос борьбы в окопы экономики», и добавлял к этому: «Я твердо шел за Ильичом во дни всех наших дискуссий». Снова Князев обещал погасить задолженность по уплате членских взносов и предупреждал, что уезжает «за свой счет в санаторий на месяц или два». Повторена была и просьба исключить его из партии, но так, «чтобы <...> пощадили меня и разрешили мне выйти из партии (если этого не избежать) автоматически», что позволило бы позднее, «если будет опасный момент, снова войти в партию». Свое заявление Князев завершал просьбой «отложить окончательное решение моего дела до моего возвращения»[23].

Контрольная комиссия РКП(б) Центрального городского района снова должна была заняться делом В. В. Князева, но, в отличие от бюро коллектива типографии, она не торопилась. Судя по выписке из протокола заседания комиссии от 30 декабря 1924 г., она неоднократно пыталась вызвать провинившегося на свое заседание, но была вынуждена зафиксировать в протоколе: «Ввиду нежелания Князева явиться в К. К. (Контрольную комиссию. — *Б. Д.*) дело рассматривается заочно». Теперь в адрес нерадивого члена РКП было сформулировано куда более серьезное обвинение: не только «в неуплате членских взносов», но и в «отказе от партийной работы». Комиссия постановила исключить Князева из партии[24].

Князев подал очередное заявление[25]. Оно начиналось словами: «Я узнал, что состоялось постановление об исключении меня из партии. Не знаю, в точности, за что, но догадываюсь: картеж, вино, непосещение партсобраний и неприкрепление к коллективу». По содержанию это заявление более напоминало письмо, адресованное Г. Е. Зиновьеву, но в отличие от него не имело столь же выраженной эмоциональной окраски. Отказываясь оправдываться, он просил учесть «обстоятельства, смягчающие мои вины». К ним были причислены «мелкобуржуазное происхождение», привлечение в 1918 г. «тогдашними фельетонами» в «Красной газете» рабочих в партию, «смертельно» подорванное здоровье. Без излишней скромности Князев писал о себе: «Для севера и северо-запада я являлся тем же, чем т. Демьян Бедный для всей республики»[26]. Особо им было подчеркнуто, что до нэпа он не уклонялся «ни от одной из партийных обязанностей: субботники (где мне дважды дробили пальцы), партсобрания, агитация (моя брошюра о Володарском в изд[ании] Коминтерна) и прочая. Во дни Юденича, — счел нужным добавить Князев, — я 2 месяца провел в казарме Комбоевзвода — охранял город, производил обыски (и рядовым, и инструктором), арестовывал и т. д.». Возникшие после введения нэпа осложнения и тяготы были представлены причинами тяги «к вину, как средству забыться», и «картежа», прибегнуть к которому заставляло стремление «хоть что-нибудь предпринять» из страха лишиться «средств к жизни».

Неисполнение обязанностей члена партии В. В. Князев объяснял особенностями своей натуры — на партсобраниях не бывал, «ибо я тугоух», к коллективу «не прикреплялся — ибо ни говорить я не умею, ни организаторскими способностями не обладаю. Взамен этого я служил партии агитационно — в газетах и глубже, идеологически — в книгах». В завершающей части заявления содержались три просьбы. Во-первых, вызвать и выслушать. Во-вторых, вопреки написанному в начале, Князев без обиняков утверждал: «Меня необходимо исключить из партии, но сам я не могу заявлять о своем уходе, ибо до конца своей жизни (думаю, скоро) буду служить Компартии и пролетреволюции. Я прошу только пощадить меня, сделать это без огласки», что, как он писал, заслужил «скромными своими, но несомненными ревзаслугами». Во-третьих, поэт не без предусмотрительности обращался к членам Контрольной комиссии: «<...> про-

шу через Вас Губком оградить меня от возможных репрессий, лишения работы и пр.». Он считал, что заслуживает «если не пенсии, то, по крайней мере, заработка». Князев напоследок благодарил комиссию за исключение из партии, им заслуженное, и просил принять «уверения, что и вне партии — я целиком Ваш», рассчитывая, что в случае нового похода Юденича «мне дадут винтовку»[27].

На выписке из протокола заседания Контрольной комиссии Центрального городского района от 30 декабря 1924 г. имеется дополнение: «При согласовании с бюро РК от 9/I — 25 г. Постановлено: "Тов. Князева считать механически выбывшим из рядов РКП(б) "»[28]. Казалось бы, решение об исключении из партии с такой формулировкой соответствовало тому, о чем просил В. В. Князев в своих заявлениях. Но на заявлении, поступившем в районный комитет 8 января, была поставлена резолюция с неразборчивой подписью: «Вызвать» и дата — 14 января. В ответ на этот вызов было подано еще одно заявление В. В. Князева, которое, в отличие от предыдущих, было написано карандашом. Оно начиналось с вопроса: «Товарищи, зачем вы меня мучаете?» Вероятно, не поняв, что его вызывают в райком, Князев спрашивал: «Зачем я пойду в К. К.? Чтоб потом на стены лезть или раздробить себе голову о стену?» Повторив, как заклинание, «Партии и Октябрю я остаюсь преданным», поэт отказывался явиться по вызову и ссылался на нездоровье: «Но сейчас у меня тяжелая нервная болезнь, могущая легко перейти в душевную и не мучьте вы меня — и без вас мука ожидания осложнена сверх человеческих сил». Более того, Князев не удержался от высказываний, звучащих как предостережения или даже упреки: «<...> меня не заменят Вам целые полки сменовеховской сволочи <...>»; «у меня есть ряд книжек — (например, "Капля крови Ильича") — вот мои партобязанности; любая книжка такая — стоит годовой работы райагитатора»[29]. Эти высказывания, содержавшиеся в заявлении, которое членом партии было подано пусть и в районную, но полномочную карать и миловать инстанцию, а также сам отказ прийти по вызову возымели реакцию, на которую Князев вряд ли рассчитывал. В черновике протокола Контрольной комиссии постановление по его делу было сформулировано иначе, чем прежде: «Исключить за неуплату членских взносов и за некоммунистическое поведение»[30].

Итак, на основании выше приведенных документов можно сделать вывод, что поэт и литератор В. В. Князев был исключен из РКП(б) скорее по его собственной инициативе, нежели по причине нарушения им партийной дисциплины. Свой выход из партии Князев настойчиво пытался представить как следствие его творческого кризиса и болезненного состояния, которые, впрочем, не мешали ему публиковаться в 1923 и 1924 гг. (В 1925 г. у него в Москве вышло три небольших сборника стихов, два из которых были опубликованы Государственным военным издательством[31]). «Газетный поэт», востребованный в Петрограде на протяжении Гражданской войны, представлял себя не готовым мириться с теми условиями жизни, которые установились с переходом к нэпу. Его заявления, и особенно последнее, дают основания полагать, что В. В. Князев, поставив

вопрос о своем исключении из партии, надеялся вернуть себе те отношения с газетами и издательствами, какие имел до 1921 г., и в партии быть не рядовым членом, а занимать особое положение, соответствующее сохранявшейся им готовности служить большевикам своим поэтическим творчеством.

---

[1] *Шошин В. А.* Князев Василий Васильевич // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: Биобибл. словарь: В 3 т. / Д. ф. н., чл.-корр. РАН Н. Н. Скатов; ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), статьи, составление. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 2. С. 217–219.

[2] Так назвал В. В. Князева советский писатель Л. Н. Радищев: «Чувство истории у Князева. Чувство огромности историч[еского] величия происходящего. Да ведь без этого чувства и нельзя было работать поэту, так воспевая и утверждая. Был бы нуль. Это чувство было источником душевного подъема, вдохновения. Этот газетный поэт, недавний лит[ературный] поденщик, поднялся над многими. Он уже тогда нашел меру и оценку величия происходящего, понял масштаб». Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 1153. Радищев Л. Н. № 75. «Время старым блокнотам». Мемуары. Заметки для глав. Б/д. Л. 21 об.

[3] Центральный государственный архив историко-политических документов г. Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 1728. Коллекция личных дел. Петроград (1917–1924), Ленинград (1924–1950). Оп. 1. Д. 350049. В. В. Князев. Л. 6. Собственноручно заполненная анкета В. В. Князева от 29 августа 1924 г.

[4] Красная газета. Вечерний выпуск. 1922. 24 октября.

[5] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 351726/1. В. В. Князев. Л. 1–2. Заявление А. Е. Зарина от 17 ноября 1922 г.

[6] Стихотворение В. В. Князева «Идите к нам!», содержавшее призыв вступать в РКП(б), было опубликовано 31 августа 1918 г. См. *Князев В.* Избранное. Л.: Советский писатель, 1959. С. 90–91.

[7] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 351726/1. Л. 4 — 4 об. Об отношении В. В. Князева к пайкам и гонорарам в 1919 г. бывший секретарь редакции в газете «Боевая правда» А. Г. Лебеденко вспоминал: «Это был бесспорно одаренный, но циничный и совершенно беспринципный человек, осколок знаменитого Аверченковского “Смехача”. Готовый служить кому угодно, писать о чем угодно и воспевать любую идею, любой лозунг, он интересовался только пайком и деньгами, споря за каждый рубль и за каждый грамм хлеба. <...> Васильевский (Владимир Николаевич, редактор “Боевой правды”. — *Б. Д.*) и даже Зиновьев ценили его хлесткую <...> лиру и заставляли нас идти на уступки этому вымогателю. Князев пользовался этим, сосал всех маток в полную силу. Он часто был пьян, ругал все и всех, не стесняясь, и тут же подлизывался к тем, от кого зависели дары» (ОР РНБ. Ф. 1077. Лебеденко А. Г. № 43. [Воспоминания]. [1950-е гг.]. Л. 15, 16).
Еще 25 марта 1922 г. В. В. Князев обратился к наркому просвещения А. В. Луначарскому с просьбой выделить ему академический паек и пояснял: «Раньше я не хлопотал о пайках, ибо имел таковой в Смольном, а позже в Петрокоммуне, но теперь, в связи с НЭП, пайки эти упразднены, и мне с семьей приходится невероятно туго. 30.000.000 месячного заработка для трех человек — обеспечение одной только едою всего на 15 дней, при все растущих ценах». А. В. Луначарский направил заявление Князева своему заместителю М. Н. Покровскому, который 19 апреля в свою очередь передал его П. С. Когану «на срочное заключение». Последний на отношении управляющего делами Подкомиссии по распределению академических пайков Н. Манцова от 21 апреля положил резолюцию:

«По возможности удовлетворить эту просьбу, ввиду того, что безотносительно В. Князев несомненно имеет право на ак[адемический] паек». На заявлении Князева имеется помета: «Получен паек». См. Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 2995. Ленинградская комиссия по улучшению быта ученых (КУБУ) при Совете народных комиссаров СССР. Оп. 1. Д. 327. Заявления и отзывы ученых на академический паек. Л. 33–35.

[8] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 351726/1. Л. 5 — 5 об. Карточка дела Контрольной комиссии Петроградского губкома РКП(б) о протокольном постановлении от 22 декабря 1922 г.

[9] Там же. Д. 351726/2. Л. 1–2.

[10] Прежде Г. Е. Зиновьев уже выступал в защиту В. В. Князева, против критиков его творчества. 22 июля 1920 г. в «Петроградской правде» К. А. Федин поместил на сборник В. Князева «Первая книга стихов» рецензию под названием «В плену у злобы дня». 15 августа был опубликован в той же газете ответ Г. Е. Зиновьева, озаглавленный «Бережнее с товарищами!» 17 августа появилось извещение о том, что Петроградский губком постановил «признать “неправильным” появление рецензии К. Федина». В одном из писем К. А. Федин писал: «<...> Князев поднял такую бучу, что не надивишься его натуре <...>». См. Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. / Отв. ред. А. Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 598.

[11] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 351726/2. Л. 4 об. Скорее всего, тут В. В. Князев попытался напомнить Г. Е. Зиновьеву о своем участии в основании вместе с В. Володарским «Красной газеты», первый номер которой вышел 25 января 1918 г. В фонде В. В. Князева сохранилась записка В. Володарского от 18 февраля 1918 г., начинающаяся словами «Дело наладилось!» и содержащая приглашение зайти в ночную редакцию газеты (См. Отдел рукописей Института русской литературы РАН. Ф. 584. В. В. Князев. № 18. Л. 1). При В. Володарском В. В. Князев был членом редколлегии «Красной газеты» и редактором приложения к ней «Красная колокольня» (*Саянов В. М.* Предисловие // Князев В. Избранное. Л.: Советский писатель, 1959. С. 5; *Шомракова И. А.*, *Салита Е. Г.* Лениздат. Краткий исторический очерк. Л.: Лениздат, 1967. С. 33).

[12] И. И. Ионов возглавлял Петроградское отделение Государственного издательства и был братом второй жены Г. Е. Зиновьева — З. И. Лилиной.

[13] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 351726/2. Л. 4 — 4 об.

[14] Там же. Д. 32888/2. В. В. Князев. Л. 1.

[15] Книга в 1923–1924. Библиографический обзор. М.–Л.: Книга, 1925. С. 373, 300.

[16] *Владиславлев И. В.* Литература великого десятилетия (1917–1927). Художественная литература, критика, история литературы, литературная теория и методология. Т. I. М.–Л.: Государственное изд-во, 1928. С. 129. Упомянутый памфлет Князева признается одним из произведений, заложивших «традиции пролеткультовской критики». См.: История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 205.

[17] *Князев В.* Избранное. Л.: Советский писатель, 1959. С. 126.

[18] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 350049. В. В. Князев. Л. 2. Выписка из протокола № 25 заседания бюро коллектива «Красной газеты» от 19 августа 1924 г.

[19] Там же. Л. 3.

[20] Там же. Л. 4 — 5 об.

[21] Там же. Л. 1. Выписка из протокола заседания Контрольной комиссии РКП(б) Центрального городского района от 29 августа 1924 г. В черновике протокола имеется запись: «Тов. Князев говорит, что страдает запоем и говорит, что перестать пить не может». Там же. Л. 7. О «деле Князева» было известно и Губернской контрольной комиссии. 3 октября 1924 г. она направила отношение в Ленинградский губернский отдел ОГПУ и 19 января 1925 г. получила оттуда «справку», в которой сообщалось, что Князев «посещает по сие время только клуб “Владимирский”, Пр. Нахимсона, 12. В клубе бывает

в среднем два раза в неделю, от 10 ч. вечера до 3-х час. ночи, игру ведет на 40–60 руб. Каких-либо более подробных сведений не имеется» (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 32888/2. Л. 5).

[22] Там же. Л. 2.

[23] Там же. Д. 32888/1. Л. 3.

[24] Там же. Л. 1.

[25] Там же. Д. 351726/2. Л. 5. На заявлении проставлены входящий номер и дата — «8/I-24». Очевидно, что год указан ошибочно — 1924 вместо 1925. Кроме того, имеется надпись: «В архив» и дата «19 января».

[26] Там же. Упоминание Князевым в своем заявлении Демьяна Бедного порождает догадку: а не мог ли Князев еще в 1925 г. знать о предложении В. И. Ленина считать стихотворчество Д. Бедного «его революционной работой»? Позже об этом предложении написал В. Д. Бонч-Бруевич. См.: *Бонч-Бруевич В. Д.* В. И. Ленин и мир литературы и ученых // На литературном посту. 1927. № 20. С. 34.

[27] ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 351726/2. Л. 5 об.

[28] Там же. Д. 32888/1. Л. 1.

[29] Там же. Л. 7.

[30] Там же. Л. 9. Л. 8 содержит машинописную копию заявления, датированную январем 1925 г.

В архивном уголовном деле В. В. Князева в опросной части протокола допроса обвиняемого от 20 марта 1937 г. в пункте о партийной принадлежности указано: «Состоял в РКП(б) с 1918 по 1924 год, выбыл по собственному желанию». См. Архивные фонды УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Ф. 16. Оп. 1. Т. 16. Пер. П-34970. Л. 8.

[31] *Владиславлев И. В.* Литература великого десятилетия (1917–1927). Художественная литература, критика, история литературы, литературная теория и методология. Т. I. С. 129.

References

BONCH-BRUEVICH V.D. *V.I. Lenin i mir literatury i iskusstva* // Na literaturnom postu. 1927. N 20.

Istoriya russkoi literaturnoi kritiki: sovetskaya i postsovetskaya epohi / Pod red. E. Dobrenko, G. Tihanova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011.

KNYAZEV V. V. *Izbrannoe*. Leningrad: Sovetskii pisatel, 1959.

Literaturnaya zhizn Rossii 1920-h godov. Sobytiya. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiya. T.I. Ch. I. Moskva i Petrograd. 1917–1920 gg. / Otv. red. A. Yu. Galushkin. Moscow: IMLI RAN, 2005.

SAYANOV V. M. *Predislovie* // Knyazev V. Izbrannoe. Leningrad: Sovetskii pisatel, 1959.

SHOMRAKOVA I. A., SALITA E. G. *Lenizdat. Kratkii istoricheskii ocherk*. Leningrad: Lenizdat, 1967.

VLADISLAVLEV I. V. *Literatura velikogo desyatiletiya (1917–1927). Hudozhestvennaya literatura, kritika, istoriya literatury, literaturnaya teoriya i metodologiya. T.I.* Moscow–Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo, 1928.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Б. Б. Дубенцов. Эпизод из биографии В. В. Князева: Расставание с РКП(б) // Петербургский исторический журнал. 2021. № 3. С. 210–219

Аннотация: Статья представляет собой описание неизвестного эпизода из биографии поэта В. В. Князева, приобретшего известность в годы Гражданской войны благодаря публикации многочисленных стихотворений агитационного характера в советских газетах, прежде всего петроградских.

На основе неопубликованных источников, хранящихся в бывшем партийном архиве Ленинграда, ныне Центральном государственном архиве историко-политических документов г. Санкт-Петербурга, показано, как случайная ошибка, допущенная Князевым, повлекла за собой осложнение его отношений с партийными органами, завершившееся исключением его из рядов РКП(б). Особый интерес представляют использованные в статье личные заявления В. В. Князева, дающие представление о его отношении к нэпу, к положению поэта в партии и о его заслугах перед нею.

Ключевые слова: В. В. Князев, поэт, Российская коммунистическая партия (большевиков), контрольная комиссия, заслуги перед партией, исключение из рядов РКП(б).

FOR CITATION

B. B. Dubentsov. Episode from biography of V. V. Knyazev: Parting with the RCP(b) // Petersburg historical journal, no. 3, 2021, pp. 210–219

The article is a description of an unknown episode from the biography of the poet V. V. Knyazev, who gained fame during the Civil War thanks to the publication of numerous agitational poems in Soviet newspapers, primarily those in Petrograd. On the basis of unpublished sources stored in the former party archive of Leningrad, now the Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg, it is shown how an accidental mistake made by Knyazev led to a complication of his relations with party bodies, which ended with his expulsion from the ranks RCP(b). Of particular interest are the personal statements of V. V. Knyazev used in the article, which give an idea of his attitude to the NEP, to the position of the poet in the party and his merits to it.

Key words: V. V. Knyazev, poet, Russian Communist Party (Bolsheviks), control commission, merits to the party, expulsion from the ranks RCP(b).

Автор: **Дубенцов, Борис Борисович** — к. и. н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Author: **Dubentsov, Boris Borisovich** — PhD (History), Senior Researcher of Saint Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: dbntsv@rambler.ru